

Галимова Елена Шамильевна

Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова,
Россия, 163002, Архангельск, Архангельская обл., наб. Северной Двины, д. 17
egalimova2006@yandex.ru

Цветова Наталья Сергеевна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб. 7–9
n.tsvetova@spbu.ru, cvetova@mail.ru

ДИНАМИКА МЕДИАПРЕЗЕНТАЦИИ ОДНОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ФЕНОМЕНА

Статья посвящена одному из ключевых арт-сегментов современного российского медийного пространства — литературной критике и арт-пиару. Актуальность статьи определяется тем обстоятельством, что последние системные исследования российской литературной критики как ключевого средства формирования художественного дискурса в публичном пространстве были осуществлены еще в начале нового столетия. В данной работе изучается специфика динамики коммуникативного пространства, которое создавалось и создается разнотипными средствами массовой информации как контекстное, фоновое для так называемой деревенской прозы — по признанию историков литературы, наиболее значительного литературного феномена второй половины прошлого века. Исследуется длительный период: с 1960-х гг. прошлого века по настоящее время. Авторы статьи приходят к выводу о том, что очевидное изменение коммуникативных условий существования деревенской прозы связано не только с изменением ситуации в массмедиа или с изменением установок читательской аудитории, но и с институциональными характеристиками этого литературного феномена. Выявленные авторами статьи особенности определенного специализированного сегмента российского медийного пространства препятствуют неизбежному, кажется, запрограммированному господству рынка доминированию пиар-компонента, вопреки ожиданиям актуализируют традиционную для русской литературной критики публичность, сосредоточенность на онтологической проблематике, способность осознавать потребность в социально значимых событиях и жестах, формирующих литературный дискурс медийного пространства. С другой стороны, практически сформировавшиеся и, видимо, отрефлектированные дискурсивные прагматические наклонности, устремления современной профессиональной литературной критики и журналистского сообщества провоцируют оппозитивное повышение статуса читательских высказываний о художественном произведении. Причем принципиально важно, что читательские высказывания и оценки последнего времени основаны на понимании не только идейно-тематических, но и поэтических особенностей литературного текста. Основной вывод касается причин, движущих сил эволюции медийного контекста любого культурного события, которые, с точки зрения авторов статьи, и сегодня связаны с феноменальными характеристиками данного явления. Библиогр. 22 назв.

Ключевые слова: деревенская проза, литературная критика, медиадискурс, арт-пиар, читательские высказывания, коммуникативный контекст.

Galimova Elena Sh.

Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov,
17, Severnaya Dvina emb., Arkhangelsk, 163002, Russia
egalimova2006@yandex.ru

Tsvetova Natalia S.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia
n.tsvetova@spbu.ru, cvetova@mail.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017

DYNAMICS OF MEDIA PRESENTATION OF ONE LITERARY PHENOMENON

The article deals with literary criticism and art-PR treated as one of the key art-segments of the contemporary Russian media space. The relevance of the article is determined by the fact that the past studies of the Russian system of literary criticism as a key instrument for formation of the art discourse in the public sphere were carried out at the beginning of the new century. In this paper, we study the specifics of the dynamics of the communication space, which has been created by a heterogeneous media as the contextual or background for the so-called village prose. The latter one is recognized by literary historians as the most significant literary phenomenon of the second half of the last century. The authors conclude that the obvious change of communicative conditions for the existence of the village prose is connected not only with the changing situation in the media or changing the settings of the readership, but also with the institutional characteristics of this literary phenomenon. The authors have identified a specialized segment of the Russian media space preventing the domination of the PR component, which, in its turn, is programmed by the market dominance, actualizing traditional for the Russian literary criticism journalistic focus on ontological issues, ability to provoke awareness of socially significant events and gestures, and formatting literary discourse of media space. On the other hand, the formed discourse pragmatic aspirations of the modern professional literary criticism and journalistic community provoke the improvement of the status of a reader's statements about the work of art. The main conclusion concerns the causes and driving forces of the evolution of the media context of any cultural events. These reasons, from the point of view of the authors, are connected with the remarkable characteristics of this phenomenon. Refs 22.

Keywords: village prose, literary criticism, media discourse, the art of PR, readers' statements, the communicative context.

Введение

Последнее системное исследование литературной критики как ключевого средства формирования художественного дискурса в публичном пространстве было осуществлено в самом начале нового столетия [Менцель 2006]. Сегодня же специалисты все чаще говорят и пишут о вытеснении профессиональной художественной критики арт-пиаром разной дискурсивной принадлежности [Колядич, Капица 2010; Цветова 2012; Konkov, Tsvetova 2016]. Не вызывает серьезных сомнений и то, что литература вообще оказалась на периферии общественного интереса. Также без особых возражений принимается утверждение о состоявшемся перераспределении пристрастий массовой аудитории: современного читателя привлекает не только и даже не столько собственно литературное явление, сколько презентация художественного произведения и его автора в публичном пространстве [Колядич, Капица 2010]. Изучением этих изменений в последние годы занимается медиакритика, склонная объяснять сложившуюся ситуацию влиянием на общественное и индивидуальное сознание рыночных отношений, которые деформировали коммуникативные условия бытования литературного текста [Гринфельд 2016].

На наш взгляд, научная оценка произошедших изменений возможна, во-первых, при использовании сравнительно-сопоставительных аналитических методов, позволяющих выявить динамику институциональных характеристик русской литературной критики, связанных прежде всего с модернизацией ее сверхзадачи. Во-вторых, при отношении к медийному сопровождению литературного явления как к системе событий, формирующих коммуникативные условия его существования, детерминирующие характер восприятия. В-третьих, на наш взгляд, выводы во многом зависят от выбора объекта исследования. Рефлексия по поводу значительных, масштабных литературных фактов и явлений трудно подчиняется рыночно-прагматичным ограничениям.

Именно поэтому целью нашей работы стало выявление условий, влиявших и влияющих на коммуникативную ситуацию, определяющую и выявляющую массовое восприятие деревенской прозы, вокруг которой, несмотря на все социальные потрясения, уже десятилетия идут нешуточные дискуссии. Были времена, когда обсуждались и отдельные произведения, и явление в целом, и его наименование; ведущими литературоведческими изданиями проводились круглые столы, академические институты и вузы организовывали тематические конференции, велось и массовое — читательское — обсуждение. В эпоху перестройки средства медиатизации художественного феномена изменились, но все равно были нацелены на формирование его литературного, потом историко-литературного статуса. Эти изменения, если верить исследователям, были связаны с эволюцией или деградацией «доминантных характерологических факторов» литературы «с точки зрения ее оценки критиками и литературоведами», с установлением прямой зависимости парадигмы литературного процесса от «разнообразия пиар-форм» [Колядич, Капица 2010, с. 5]. Но вопреки порождаемым такого рода обстоятельствами ожиданиям и десятилетия спустя о деревенской прозе продолжают не просто писать, но спорить, причем весьма горячо, спорить так, словно это самое современное, актуальное, более того — злободневное событие. Характерно, что по-прежнему участниками споров становятся не только профессионалы (критики, литературоведы, писатели), но и читательская аудитория.

Основная часть

Почему так происходит? Как провоцируется публичная полемика о деревенской прозе сегодня? В чем суть споров и намерений ее участников? Импульсом к постановке этих вопросов послужила недавняя, неожиданно бурная, острая и продолжительная дискуссия, начатая серией публикаций в архангельском общественно-политическом и литературно-художественном журнале «Двина» и продолжившаяся на сайте «Российский писатель». Участники дискуссии обсуждали и само явление деревенской прозы, и современное состояние отечественной литературы, развивающей традиции этой прозы (или, напротив, отмежевывающейся от них).

Затравкой полемики стали выдержки из интервью непоименованного автора («есть такая точка зрения») и реакция на них одного из современных молодых критиков (имя которого также не названо), опубликованные главным редактором «Двины» Михаилом Поповым.

Роль вызова, на который последовала реакция в виде журнальных публикаций и обсуждения на сайте, сыграл такой обмен репликами:

В. С.: «В шестидесятые годы прошлого века “во весь голос” заявила о себе “деревенская” литература. И судя по тому шуму, который вокруг нее происходил, мы вправе были ждать от авторов этого направления каких-то больших художественных открытий. И они, эти открытия, вроде бы даже происходили. Не стану тут перечислять фамилии известных всем авторов и названия их произведений. Скажу лишь, что меня вот уже многие годы не покидает ощущение какого-то разочарования. Почвенническая литература, констатировавшая совершившуюся гибель русской деревни, как мне кажется, не выработала пути вы-

хода из кризиса, не подсказала его, не укрепила нацию духовно. Она не оказалась той нравственной, духовной опорой, которой была сразу после войны и продолжает оставаться сейчас военная литература. Как вы считаете, верны ли мои ощущения? Не кажется ли вам, что этот путь в литературе оказался вроде бы в какой-то мере ложным и закончился ничем? Просто это направление в литературном процессе тихо сошло на нет, умерло, будто его и не было».

А. Л.: «Видите, вы сами описали всю ситуацию, и могу только с вами согласиться, выразив сожаление о напрасно затраченных духовных усилиях талантливых людей, загнанных в литературно-критический “обезьянник” (оскорбительное словечко из милицейского сленга). Вы правы, эта идеологическая диверсия не могла не привести к пропасти, к смерти» [Попов М. 2015, с. 73].

Очевиден провокативный смысл высказываний, авторы которых неверно обозначили предмет дискуссии, хотя суть деревенской прозы как историко-литературного явления в науке о литературе давно уже была определена. Участники спора изначально ведут себя так, словно и не было разработанных литературоведами определений понятия деревенская проза, словно не появлялись и не продолжают появляться содержательные, глубокие диссертации и монографии, посвященные ей. Они вернулись к самому «донаучному» пониманию того, что есть деревенская проза, которое было высказано сорок лет тому назад: «Если говорить совсем прямо и попросту, то ведь к “деревенской прозе” мы относим те книги, где речь идет о деревенских людях, существование которых очень отличается от существования городских жителей» [Старикова 1977, с. 74]. Недавно элементарное представление о сложнейшем литературном феномене было реанимировано литературоведом Ириной Ивановой, которая сочла возможным распространить понятие «деревенская проза» «на любое адекватное произведение на сельскую тему», на «книги, где речь идет о деревенских людях» [Иванова 2013, с. 88–94]. Такого типа высказывания заставляют вспомнить одну из самых мудрых рекомендаций Рене Декарта: «Верно определяйте значения слов, и половина споров станет ненужной».

Но эта рекомендация имеет действительное значение только в том случае, если мы готовимся к описанию спора, целью которого является постижение сути вещей. Если бы современное медийное пространство провоцировало именно такие дискуссии, то участникам таких диалогов пришлось бы как минимум актуализировать целый ряд аналитических установок.

Прежде всего, необходимо было бы учитывать, что деревенская проза как идейно-стилистическое течение при всем своеобразии творчества каждого из ее создателей обладает внутренней целостностью. Оно сформировалось и активно развивалось со второй половины пятидесятых до середины восьмидесятых годов прошлого столетия, то есть имеет вполне определенные хронологические рамки. Это сильно, мощно, разом заявившее о себе явление, созданное писателями, родившимися в русской глубинке в 1920-е — 1930-е гг. Под какими бы терминологическими «шапками» позже ни объединяли деревенщиков (например, Е. Вертлиб относит их к «онтологическим» (1992 г.), А. Архангельский — к «метафизическим» (1992 г.), А. Большакова — к «символическим» реалистам (2002, 2004 гг.), Л. Соколова — к традиционалистам (2005 г.), Н. Ковтун — к утопистам (2005 г.)) [Ковтун 2013], все они обладают теми качествами, соответствуют тем требованиям, которые параллельно с теоретическими, литературоведческими изысканиями одним

из первых реализовал в собственной художественной практике Федор Абрамов. Все они в самом полном и абсолютном соответствии с классической традицией писали и пишут для своего народа, чтобы помочь ему «понять свои силы и слабости». Наиболее важной задачей искусства признавали и признают просвещение. Высшей его целью — «правду и человечность, так сказать, увеличение добра на Земле. И красоты» [Абрамов 1988, с. 475].

Конечно, нужно говорить (и об этом много написано) о преемственной связи данного течения с предшествующей литературной традицией. Об этом писала А. Ю. Большакова: «Деревенская проза 1960–90-х стала итоговым — по отношению к линии развития, начатой с пушкинской “Деревни”... феноменом, возникшим в условиях исчезновения традиционной деревни, тотального раскрестьянивания России» [Большакова 2012, с. 198].

Но в годы, когда деревенщики только входили в большую литературу, им приходилось сражаться прежде всего за своего героя. И сражения эти велись на два фронта: с литературно-критическим официозом и с тогдашними либералами. Либералы отказывали во внимании мужику по двум причинам. Первая из них обозначена в дневниковой записи Ф. Абрамова, зафиксировавшей взволновавшее темпераментного литератора высказывание товарища, однокашника, впоследствии известного ленинградского-петербургского культуролога: «В основе всего у Микки — эгоизм, чудовищный эгоизм <...> Мерзавец, даже возмущался, что у нас слишком много пишут о деревне, о мужике. “Не так-то уж они плохо живут, как расписывают разные сочувствователи”» [Коняев 2010, с. 7]. Вторая причина со всей очевидностью проявилась во время дискуссии о влиянии века науки и техники на человека, которую осенью 1959 г. провела «Комсомольская правда». Один из участников этой дискуссии, «литераторствующий» инженер И. Полетаев написал:

Мы живем творчеством разума, а не чувства, поэзией идей, теорий, экспериментов, строительства. Это наша эпоха. Она требует всего человека, без остатка, и некогда восклицать: Ах, Бах! Ах, Блок! Конечно же, они устарели и стали не в рост с нашей жизнью [Полетаев 1959, с. 3].

Понятно, что противостояние такого рода было значительно серьезнее, чем публичные выступления против наскучивших к тому времени почти всем своими унылыми нотациями романых персонажей ортодоксов соцреализма.

Самыми значительными обвинениями отчетливо социологизированной и во многом идеологизированной советской критики 1960–1980-х гг. были обвинения, направленные против центральных персонажей, в поведении, мировоззрении, мироощущении которых, с точки зрения пристрастных критиков и читателей, воплощался ошибочный, нежизненный, давно устаревший, несвоевременный идеал. Так, например, Ф. Левин с искренним, почти наивным недоумением вопрошал: как можно «почитать» этих «малограмотных» стариков за «высший эталон морали и мудрости? как можно обращаться за советом к деревенской бабушке в атомный век?» [Левин 1968, с. 5]. И это не маргинальное мнение. В газете «Русский Север» была опубликована статья В. Есипова, завершавшаяся возмущенным возгласом:

Наши писатели, как известно, очень гордятся своим крестьянским происхождением, близостью к народу. Когда это отражается в творчестве, в полноценном словесном искусстве — честь им и хвала. Но можно ли подходить к общечелове-

ческим моральным проблемам с мерками, прямо скажем, мужическими? [Есипов 1999, с. 226].

Каталогизированные в начале 1980-х Ф. Абрамовым претензии критиков и читателей к этому литературному направлению обсуждались серьезно: «просмотрели научно-техническую революцию», «целину прохлопали», «вместо современности — заскорузлая патриархальщина», «язык засоряют диалектизмами и всяким иным словесным мусором» [Абрамов 1986, с. 437]. Даже поддержавшие деревенщиков В. Кожин, В. Гусев, В. Камянов, В. Семенов, Л. Крячко (журналы «Вопросы литературы», «Москва», «Литературная газета», 1966–1968 гг.) воспринимали их тексты как преимущественно описательные, занимались чаще всего интерпретацией проблематики наиболее ярких, значительных произведений [Абрамов 1986, с. 437].

Понятно, что для создания такого типа коммуникативного контекста использовалась идеологическая платформа. Упоминания о стилевых, жанровых недостатках литературных текстов Ф. Абрамова, В. Белова, А. Солженицына, В. Шукшина были эпизодическими.

Во второй половине 1980-х гг. были сформулированы и высказаны в прессе суждения о том, что созданные деревенщиками характеры эпохальны, что эти «праведники» и «чудики» нанесли сокрушительный удар не только по экономической системе или по «теории бесконфликтности» [Цветов 1992]. Но уже к началу 1990-х у деревенщиков защитников практически не осталось. В 1989 г. внимательный и беспристрастный в отношении к этому литературному материалу свидетель, известный петербургский прозаик Валерий Попов, представляя ретроспективу общественно-литературного развития в послевоенную эпоху, пожалуй, был единственным, кто написал о появлении деревенщиков на литературной сцене как о событии особого рода и связал его значимость с возникновением принципиально нового героя, обладавшего исключительными возможностями и характеристиками: «...на поверхность литературы вышли самые у нас бесправные люди — в книгах Шукшина и Белова, — молчавшие десятилетия, поэтому их голоса звучали весомее» [Попов 1989, с. 2].

С конца 1980-х гг. деревенскую прозу ангажируют участники дискуссий о будущем России и самыми яркими разоблачителями деревенщиков становятся бывшие лидеры «молодежной прозы». В эпистолярном диалоге А. Борщаговского и В. Курбатова есть воспоминания о том, как В. Аксенов пытался объявить деревенщиков «опорой режима» в литературе. Правда, хорошо знающий ситуацию и честный А. Борщаговский замечает, что намерение это объясняется двумя обстоятельствами. Главное из них —

Аксенову в высшей степени безразличен сам народ, а особенно деревенский, он еще мог когда-то увлечься экзотикой, какой-нибудь эксцентричной фигурой бородастого сторожа, но проникнуться драмой стомиллионной деревни не мог никогда <...>. И тут еще другое — «им почти все позволено», «их печатают», «к ним милостива цензура и комитет по госпремиям», — значит, они нужны начальству, они — любимые дети, а он, Аксенов, гений, но в пасынках [Борщаговский, Курбатов 2005, с. 5].

Историкам советской литературы в тех условиях было трудно отстаивать право деревенщиков числиться среди писателей-традиционалистов, при том что

для большинства исследователей этого течения становилось все очевиднее, что уникальность деревенской прозы обуславливается сложным совмещением актуальности, даже злободневности проблематики с предельно материализованной включенностью в классическую традицию, заданной отнюдь не событийной строной сюжетов, но особым ощущением жизни, забытыми под давлением цивилизационных процессов представлениями о времени и пространстве, о человеке, его жизни и смерти. Современное литературоведение помнит, как легко, естественно и свободно деревенская проза в 1970-е перешагнула проблемно-тематические границы, в результате у В. Астафьева появилась великая повесть «Пастух и пастушка», у В. Распутина — сложнейший по транслируемым философским смыслам текст «Живи и помни». Большинству понятно, что по характеру обращенности к вечной, общечеловеческой проблематике с деревенщиками могли соперничать только создатели новой прозы о Великой Отечественной войне. Понятно, что вершинные явления, презентующие этот историко-литературный феномен, вполне соотносимы с высокой классикой, и не только отечественной. В 1996 г. на конференции в австралийском городе Канберра известный канадский филолог, накануне впервые прочитавший повести В. Г. Распутина, с восторгом сравнивал его с А. Камю.

Но в медийном пространстве для этого явления с начала XXI в. осознанно и целенаправленно формировался принципиально иной контекст, при создании которого взвешенные оценки историков литературы игнорировались полностью. Теперь «оценщиками» творчества писателей-деревенщиков становятся литераторы, чье творчество в той или иной форме тяготеет к постмодернизму или к другим нереалистическим формам художественного мышления, либо авторы, ориентированные на коммерческий успех. Наиболее известен из такого рода высказываний последних лет памфлет Д. Быкова «Телегия», первые же фразы которого выверенно и «рыночно» эпатажны:

В русской литературе 70-х годов XX века сложилось направление, не имеющее аналогов в мире по антикультурной страстности, человеконенавистническому напору, сентиментальному фарисейству и верноподданническому лицемерию. Это направление, окопавшееся в журнале «Наши современники» и во многом определившее интеллектуальный пейзаж позднесоветской эпохи, получило название «деревенщики», хотя к реальной деревне, разумеется, отношения не имело [Быков 2013, с. 393].

Приемы, с помощью которых сегодня пытаются дискредитировать деревенскую прозу, те же, что и десятилетия тому назад: сначала производится подмена признаков и характеристик литературного феномена (своего рода шулерское передегивание карт, не всегда легко уловимое читательским глазом; читатель с помощью давно известных риторических приемов вербует в единомышленники — см. приведенное выше быковское «разумеется, отношения не имело»). То есть деформируется уже состоявшееся научное описание явления, а затем с заведомо искаженным представлением автор расправляется.

Опускаем прозвучавшие в 2015 г. в радиоэфире высказывания о деревенской прозе Александра Невзорова, поскольку не считаем возможным их цитировать из-за соображений этических и связанных с экологией русской речи (тем более что эти высказывания стали реакцией А. Невзорова на известие о кончине писателя

Валентина Распутина). Но при этом нельзя не заметить, что своим органическим неприятием крестьянской жизни этот журналист близок претендующему на ведущее место в современном литературном процессе писателю, поэту, публицисту, журналисту, литературному критику, преподавателю литературы в педагогическом вузе, радио- и телеведущему (перечень из Википедии) Дмитрию Быкову.

Примером такой подмены являются и реплики, давшие начало той последней по времени дискуссии о деревенской прозе, с упоминания о которой мы начинали свою статью и к которой возвращаемся. Не вызывает сомнений, что приведенные в начале статьи текстовые фрагменты (диалог В. С. и А. Л.) выполняют провокативную функцию, используются как экспозиция, оправдывающая использование речевых средств и приемов, ориентацию на принципы построения текста, отмеченные в ответной статье Е. Ш. Галимовой.

Первое. Участники диалога намеренно обходятся без имен и названий. Если бы они назвали только «Последний срок» и «Прощание с Матерой» Валентина Распутина, «Царь-рыбу» и «Последний поклон» Виктора Астафьева, «Деревянные кони» и «Братьев и сестер» Федора Абрамова, «Привычное дело» и «Лад» Василия Белова, «Усвятских шлемоносцев» Евгения Носова, — хотя бы только эти произведения, не упомянув многие другие — яркие, запоминающиеся, — то, думаем, гораздо затруднительнее после такого перечня было бы им утверждать, что деревенская проза вызвала у них лишь разочарование и «сожаление о напрасно затраченных духовных усилиях талантливых людей», что «почвенническая литература не выработала пути выхода из кризиса, не подсказала его». Вряд ли кто об этих, столь значимых для отечественного читателя произведениях, мог сказать, что они не укрепили «нацию духовно», не стали «нравственной, духовной опорой» для нескольких поколений русских людей.

Второе. Авторы провокационных высказываний собственные, частные, неаргументированные оценки, нацеленные на умаление, принижение достижений деревенской прозы, презентуют как оценки объективные, проверенные временем. При этом они игнорируют общеизвестные, вполне очевидные факты, например то, что именно деревенская проза показала значительность, высоту и полноту традиционного — деревенского — уклада русской жизни, осмысленность, красоту этой жизни, при всех ее трудностях, более того — порой почти непереносимых тяготах. И это был не взгляд со стороны, а глубинное, сердечное, истинное знание: о деревне рассказывали ее дети, ее сыновья. Вслед за Михаилом Шолоховым, первым в мировой литературе показавшим в «Тихом Доне», как бури XX столетия разрушают, сметают традиционный многовековой уклад, писатели второй половины века совместными усилиями дописали эпопею русской жизни.

Третье. Проигнорировано то обстоятельство, что герои деревенской прозы — распутинские Настена, Анна, Дарья, беловский Иван Африканович, абрамовские Михаил и Лизка Пряслины, Василиса Мелентьевна, шукшинские «чудики», носовские «шлемоносцы» — наиболее точно и полно воплотили в себе самые главные, характерные черты русского национального характера, помогли нации понять и осмыслить себя.

Наконец, не упомянуто великолепное языковое чутье деревенщиков, позволившее им во всей полноте явить богатства русского языка — и литературного, и народного. Игнорируется и то, что это проза широкого стилистического диапа-

зона и богатого жанрового регистра: от лирических произведений Владимира Со-лоухина и бухтин Василия Белова до социально-философских повестей Валентина Распутина и социально-психологических полотен Федора Абрамова.

Этот литературоведческий отклик неожиданно изменил направление диалога. В суждениях, опубликованных в журнале «Двина», стали подчеркивать общена-циональное значение деревенской прозы, ее близость каждому русскому человеку, осознающему свои корни, свои истоки. Поэт Илья Иконников написал: «“Деревен-ская проза” — это больше, чем литература “о деревне”. Это все о России, о том, что коренится в душе любого, даже “масквича” в пятом поколении. Если это, конечно, читающий, мыслящий человек, а не “электорат”». А учитель-словесник Николай Васильев размышлял об этом же следующим образом:

Писать о деревне — не значит сужать горизонт видения, замыкаться в некую мифическую секту писателей-деревенщиков. <...> Лукавят обвиняющие «деревенскую прозу» в узости. Как будто не понимают (или не знают): дело не в пред-мете изображения... Разве не касается ВСЕХ НАС судьба Анны и ее детей в по-вести В. Распутина «Последний срок»? Разве может человек большой культуры пройти мимо беловского «Лада», давшего нам великую энциклопедию крестьян-ского (читай — русского) быта? (Или личутинской книги — может быть, лучшей у него — «Душа хранит»). Разве не переживает каждый, читающий тетралогия Ф. Абрамова (ее военные страницы), чудовищное, нечеловеческое напряжение сель-ских баб в глубоком пинежском тылу?! Всероссийская драма. Всех, всех коснулось.

Именно такой поворот дискуссии был поддержан в интернет-СМИ. Среди первых откликов на сайте «Российского писателя» оказалось высказывание Вале-рия Яковлева, выделившего главные, с его точки зрения, заслуги деревенщиков:

Есть Россия корневая, земляная. Откуда ВСЁ. Писатели-деревенщики артику-лировали страдания и надежды этой нашей исконной Родины. Бывает так, что писатель рассказывает что-то «от себя», а выговаривается нечто гораздо более значительное... рукою писателя водит истерзанная и кричащая от боли Родина, она пытается пробиться сквозь коросту душевной черствости к совести совре-менников. <...> Деревенщики хотели одного — взросления читателя, чтобы чи-татель из обывателя превращался в гражданина. Потому что всенародное дело есть прежде всего коллективный гражданский поступок [«Деревенщики»]¹.

Главный редактор газеты Союза писателей России «Российский писатель» Ни-колай Дорошенко, размышляя о позиции писателей-деревенщиков, подчеркнул их роль не только в принципиальном изменении вектора литературного развития, но и в жизни страны:

Можно сказать, что у русских читателей впервые появились не отдельные име-на, а целый слой своей национальной, народосберегающей элиты. И уже литера-тура стала различаться не по тематике, а отношением к человеку как к высшей ценности и отношением к своей стране как к родному дому.

Александр Иванов отметил, что «с появлением “деревенской” литературы в СССР началось то, что называется ростом национального самосознания», и это,

¹ Далее все цитаты из высказываний участников дискуссии на сайте «Российского писателя» приводятся без ссылок на указанный интернет-адрес.

в частности, позволило предотвратить поворот северных рек. Резюмирующе охарактеризовала сущность деревенской прозы литературовед, литературный критик, писатель Светлана Демченко:

Ошибочно расценивать эту литературу с точки зрения отражения жизни деревни как места проживания. Эти произведения вовсе не о деревне как поселении, а о ЧЕЛОВЕКЕ, его нравах и норавах, о глубоких христианских корнях, о том духовном родстве и традициях, которые питают каждого из нас. Валентин Распутин так и писал: «Так называемая “деревенская литература” прошлого века долгие годы больше всего занималась нравственным здоровьем человека — и человека настоящего, и человека будущего».

<...> И что примечательно: самобытное творчество «деревенщиков» никогда не было конъюнктурным и услужливым моде, оно наполнено вечным смыслом и правдой жизни.

Отмечали участники дискуссии и прогностический характер деревенской прозы, которая, по словам вологодского критика Андрея Смолина, предсказала «все процессы, которые мы наблюдаем в России».

И пусть это покажется странным, несмотря на доминирование в интернет-пространстве потребителей досугового «глянца», в ходе дискуссии о деревенской прозе разговор от собственно литературной проблематики нередко переходил к насущным, острым проблемам современной жизни, прежде всего — жизни села. Самые эмоциональные высказывания участников обсуждения посвящены настоящему и будущему русской деревни. При этом собеседники не только обозначали болевые точки современной сельской жизни, но определяли темы будущих книг, продолжающих традиции деревенской прозы и необходимых современному читателю.

В частности, об этом написал Анатолий Ревенко:

В моем родном селе было триста дворов. Сейчас чуть поменьше. Живут огородом. А детей в школе уже всего лишь горсть, в некоторых классах по одному. При тысяче, когда я там учился. Потому что нет работы, нет перспектив. Вся земля в собственности какой-то московской фирмы. Эта фирма поставляет в сезон свою технику вместе со своими рабочими. Они выгружаются, пахут, сеют, уезжают, потом опять появляются, жнут. И ведь даже в город не уедешь, потому что на квартиру там не заработаешь за всю свою жизнь.

Вот и загляните этим властью забытым людям в душу и заплачьте над их судьбой. Получится настоящая русская литература. И не вторичная, потому что в таком отверженном виде русский человек никогда за всю свою историю не оказывался.

По сути, речь идет уже о том, какой может быть современная литература о нынешней деревне.

Среди участников дискуссии на сайте «Российского писателя» было много профессиональных литераторов: прозаиков, критиков, поэтов, что определило смысловую структуру созданного ими медийного гипертекста: нацеленность на обсуждение перспектив литературы о современной российской деревне, с одной стороны, и внимание к собственно литературным проблемам, к традиции, с другой. Участники дискуссии с тревогой говорили о том, что

деревенская проза не пишется в столицах, она пишется далеко в глубинке, на самой земле. Авторы деревенщиков никто не печатает, в лучшем случае они издают за свой счет книжками в 100 экземпляров и тихонечко умирают вместе со своей деревней... (А. Можаяев).

Неожиданный коммуникативный контекст спровоцировал размышления о социальном статусе современной литературы — горестное резюме Александра Можаяева («Как думаете, появившись сегодняшним днем какой-нибудь безвестный Распутин, Белов, Абрамов... Были бы они услышаны? Прочли бы их? Отчего-то у меня есть такое чувство, что появившись сегодня Гоголь, и его б не заметили...»). Не менее неожиданно Светлана Демченко засвидетельствовала и мотивировала восстановление ориентационной функции публичной литературной дискуссии:

Эта дискуссия сподвигла меня обратиться к произведениям современного тюменского писателя Николая Олькова. Читаю с наслаждением. Хочу вам сказать: традиции русской литературы, в том числе исповедуемые «деревенщиками» прошлого века, продолжают жить!

И, думаю, они не иссякнут. Ибо не иссякает дух человека — труженика земли, родного простора и неба...

Своеобразным результатом дискуссии стало предложение провести силами Союза писателей России при поддержке общественных движений всероссийский конкурс современных произведений на сельскую тему. Николай Дорошенко написал о необходимости организации конференции и писательского пленума на тему «Духовно-нравственные традиции русской классики и “деревенской” литературы в литературе современной».

Выводы

Чем можно объяснить возникновение такого неожиданного, с элементами «советской патриархальщины», коммуникативного контекста? Убедительностью позиции профессионалов, участвующих в дискуссии, их риторическим талантом? Спецификой консервативной читательской аудитории? Отчасти эти аргументы могут быть приняты. Но если бы они были ключевыми, то, ориентируясь на аналогичные прагматические установки, можно было бы актуализировать городскую или военную прозу. Недавний неуспех юбилейного эксперимента с военной прозой доказывает, что ситуация намного сложнее.

На наш взгляд, анализ современной медийной полемики о деревенской прозе позволяет увидеть более глубокие причины, обусловившие интенсивность и длительность этой полемики. Во-первых, выявляется неизбежность сохранения в этом дискурсе институционально необходимой идеологической составляющей. Даже прагматика презентации массовой литературы в медийном пространстве идеологически обусловлена. Суть идеологии общества потребления не имеет принципиальных отличий от системы взглядов, идей, представлений, характеризующих ту или иную партию. Во-вторых, все, что сегодня происходит вокруг деревенской прозы как культурного явления, имеющего особый социальный статус, свидетельствует о неистребимости дискурсивной памяти, продуцирующей публицистический пафос медиаконтекста, о неотменимости принципа преемственности как

ключевого для культурного развития, о том, что десятилетиями очеловечиваемая русской литературой аудитория все-таки не поддается мгновенному «расчеловечиванию» (выражение В. Быкова).

Но дискурсивное обновление все-таки происходит. И связано оно прежде всего с изменением прагматических установок спикеров, формирующих медийный контекст для литературного явления. Так, вряд ли, например, Д. Быкова интересует историко-литературный статус деревенской прозы. Субъективность транслируемых им оценок и речевая форма их выражения позволяют говорить о наличии провокативных смыслов и нацеленности на самопрезентацию. Кроме того, вновь возрастает, качественно меняясь, почти сошедшее на нет в 1980–1990-е гг. влияние гражданских («народных»), читательских литературно-критических высказываний, напоминающих о том времени, когда споры о литературном тексте превращались в серьезную общественную дискуссию о насущных национальных и государственных проблемах, что свидетельствует о восстановлении стремления читательской аудитории к сохранению высокого социального статуса литературного текста. При этом самым важным, что показал анализ дискуссии, на наш взгляд, является следующее: можно утверждать, что динамика медийного контекста любого культурного события и сегодня связана с его феноменальными характеристиками. Даже всемогущий рынок не может спровоцировать дискуссию длиной в полвека по поводу «игры на струнах пустоты» (выражение А. И. Солженицына).

Литература

- «Деревенщики» — «Деревенщики» сегодня. За и против. Комментарии. «Российский писатель» [Сайт]. URL: <http://www.rospisatel.ru/ds.htm> (дата обращения: 11.06.2016).
- Абрамов 1986 — Абрамов Ф. «Сотворение нового русского поля.» *Чем живем-кормимся*. Л.: Советский писатель, 1986. С. 425–444.
- Абрамов 1988 — Абрамов Ф. «Кое-что о писательском труде.» *Монологи и диалоги: В 2 т. Т. 1*. М.: Известия, 1988. С. 458–475.
- Большакова 2012 — Большакова А. Ю. «Творчество В. Распутина в контексте деревенской прозы.» *Время и творчество Валентина Распутина: история, контекст, перспективы*. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. С. 198–211.
- Борщаговский, Курбатов 2005 — Борщаговский А., Курбатов В. *Уходящие острова. Эпистолярные беседы в контексте времени и судьбы*. Иркутск: Изд-во Сапронов, 2005. 568 с.
- Быков 2013 — Быков Д. «Телегия. Русское почвенничество как антикультурный проект.» *Советская литература. Краткий курс*. М.: Проза и К., 2013. С. 393–401.
- Галимова 2016 — Галимова Е. «Чистая книга России.» *Двина*. 1, 2016: 6.
- Гринфельд 2016 — Гринфельд В. А. *Корпоративная медиакритика в современных российских СМИ*. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2016. 24 с.
- Есипов 1999 — Есипов В. *Провинциальные споры в конце двадцатого века*. Вологда: Грифон, 1999. 240 с.
- Иванова 2013 — Иванова И. «Деревенская проза в современной отечественной литературе: Конец мифа или перезагрузка?» *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 6 (24), Ч. 2, 2013: 88–94.
- Ковтун 2013 — Ковтун Н. В. *Русская традиционалистская проза: идеология и мифопоэтика*. Учебное пособие. Красноярск: Изд-во СФУ, 2013. С. 352 с.
- Колядич, Капица 2010 — Колядич Т. М., Капица Ф. С. *Русская проза XXI века в критике. Рефлексия. Оценки. Методика описания*. М.: Флинта; Наука, 2010. 360 с.
- Коняев 2010 — Коняев Н. «Житие Федора Абрамова.» *Двина*. 1, 2010: 5–17.
- Левин 1968 — Левин Ф. «Обоснована ли тревога?» *Литературная газета*. Дата публикации: 17 января 1968. С. 5.

- Менцель 2006 — Менцель Б. *Гражданская война слов. Российская литературная критика периода перестройки*. СПб.: Академический проект, 2006. 389 с.
- Полетаев 1959 — Полетаев И. “В защиту Юрия.” *Комсомольская правда*. Дата публикации: 11 октября 1959. С. 3.
- Попов 1989 — Попов В. Г. “Какими нам быть завтра? Свобода во все времена.” *Литературная газета*. Дата публикации: 8 ноября 1989. С. 2.
- Попов 2015 — Попов М. “«Деревенщики». За и против.” *Двина*. 4, 2015: 73.
- Старикова 1977 — Старикова Е. “Обратимся к жизни.” *Вопросы литературы*. 2, 1977: 58–79.
- Цветов 1992 — Цветов Г. А. *Русская деревенская проза. Эволюция. Жанры. Герои*. Л.: Изд-во ЛГУ, 1992. 92 с.
- Цветова 2012 — Цветова Н. С. “Искусство в медийном пространстве современной России.” *Материалы III Конгресса РОПРЯЛ «Динамика языковых и культурных процессов в современной России» (Санкт-Петербург, 10–13 октября 2012)*. Т. 1. СПб.: МИРС, 2012. С. 487–493.
- Konkov, Tsvetova 2016 — Konkov V., Tsvetova N. “Actualization of Literary Works in Artistic Communication.” *The Social Sciences*. 11 (7), 2016: 1163–1167. (англ.)

Для цитирования: Галимова Е. Ш., Цветова Н. С. Динамика медиапрезентации одного литературного феномена // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2017. Т. 14. Вып. 4. С. 650–663. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2017.412>

References

- «Деревенщики» — «Derevenshchiki» segodnia. Za i protiv. Kommentarii [Village people today. For and against. Comments]. «*Rossiiskii pisatel'*» [site]. URL: <http://www.rospisatel.ru/ds.htm> (Access Date: 11.06.2016). (Russian)
- Абрамов 1986 — Abramov F. “Sotvorenie novogo russkogo polia [Creation of the new Russian field. Interview for the magazine “Our contemporary”].” *Chem zhivem-kormimsia* [What we live by and eat]. Leningrad: Sovetskii pisatel, 1986. P. 425–444. (Russian)
- Абрамов 1988 — Abramov F. “Koe-chto o pisatel'skom trude [A few words about writer's work. By L. Antopol'skii].” *Monologi i dialogi* [Monologues and dialogues]; In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Izvestiia, 1988. P. 458–475. (Russian)
- Большакова 2012 — Bol'shakova A. Iu. “Tvorchestvo V. Rasputina v kontekste derevenskoi prozy [Works by V. Rasputin and the village prose].” *Vremia i tvorchestvo Valentina Rasputina: istoriia, kontekst, perspektivy* [Time and works of Valentin Rasputin: History, context, prospects]. Irkutsk: ISU Press, 2012. P. 198–211. (Russian)
- Борщаговский, Курбатов 2005 — Borshchagovskii A., Kurbatov V. *Ukhodiashchie ostrova. Epistoliarnye besedy v kontekste vremeni i sud'by* [Vanishing islands. Epistolary talks in the context of tome and destiny]. Irkutsk: Sapronov Publ., 2005. 568 p. (Russian)
- Быков 2013 — Bykov D. “Telegiia. Russkoe pochvennichestvo kak antikul'turnyi proekt [Telegia. Russian nativism as anti-cultural project].” *Sovetskaia literatura. Kratkii kurs*. [Soviet literature. Crash course]. Moscow: Proza i K., 2013. P. 393–401. (Russian)
- Галимова 2016 — Galimova E. “Chistaia kniga Rossii [Pure book of Russia].” *Dvina*. 1, 2016: 6. (Russian)
- Гринфельд 2016 — Grinfel'd V. A. *Korporativnaia mediakritika v sovremennykh rossiiskikh SMI* [Corporate media-criticism in the contemporary Russian mass media]. Abstract of the thesis for Doctor of Philology. St. Petersburg, 2016. 24 p. (Russian)
- Есипов 1999 — Esipov V. *Provintsial'nye spory v kontse dvadtsatogo veka* [Provincial disputes at the end of the 20th century]. Vologda: Grifon, 1999. 240 p. (Russian)
- Иванова 2013 — Ivanova I. “Derevenskaia proza v sovremennoi otechestvennoi literature: Konets mifa ili Perezagruzka [Village prose in the contemporary Russian literature: The end of the myth or rebooting?].” *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki — Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 24 (6, 2), 2013: 88–94. (Russian)
- Ковтун 2013 — Kovtun N. V. *Russkaia traditsionalistskaia proza: ideologiya i mifopoetika* [Russian traditionalist prose: Ideology and mythopoetics. Study guide]. Krasnoyarsk: SibFU Press, 2013. 352 p. (Russian)
- Колядич, Капица 2010 — Koliadich T. M., Kapitsa F. S. *Russkaia proza XX veka v kritike. Refleksii. Ot-senki. Metodika opisaniia* [Russian prose of the 21st century in the critic works. Reflection. Assessment. Methods of description]. Moscow: Flinta; Nauka, 2010. 360 p. (Russian)

- Коняев 2010 — Koniaev N. “Zhitie Fedora Abramova [Life of Fedor Abramov].” *Dvina*. 1, 2010: 5–17. (Russian)
- Левин 1968 — Levin F. “Obosnovana li trevoga? [Is our anxiety explained?]” *Literaturnaia gazeta*. Date publ.: January 17, 1968. P.5. (Russian)
- Менцель 2006 — Mentsel’ B. *Grazhdanskaia voina slov. Rossiiskaia literaturnaia kritika perioda perestroiki* [Civil war of the words. Russian literary critics during perestroika]. St. Petersburg: Akademicheskii proekt, 2006. 389 p. (Russian)
- Полетаев 1959 — Poletaev I. “V zashchitu Iuriiia [In defense of Iurii].” *Komsomol’skaia Pravda*. Date publ.: October 11, 1959. P.3. (Russian)
- Попов 1989 — Popov V.G. “Kakimi nam byt’ zavtra? Svoboda vo vse vremena [What are we to be tomorrow? Freedom anytime].” *Literaturnaya Gazeta*. Date publ.: November 8, 1989. P.2. (Russian)
- Попов 2015 — Popov M. “Derevenshchiki”. Za i protiv [Village people. For and against]. *Dvina*. 4, 2015: 73. (Russian)
- Старикова 1977 — Starikova E. “Obratimsia k zhizni [Toward life].” *Voprosy literatury*. 2, 1977: 58–79. (Russian)
- Цветов 1992 — Tsvetov G. A. *Russkaia derevenskaia proza. Evoliutsiia. Zhanry. Geri*. [Russian village prose. Evolution. Genres. Characters. Study guide]. Leningrad: Leningrad SU Press, 1992. 92 p. (Russian)
- Цветова 2012 — Tsvetova N. S. “Iskusstvo v mediinom prostranstve sovremennoi Rossii [Art in the media space in modern Russia].” *Materialy III Kongressa ROPRIaL «Dinamika iazykovykh i kul’turnykh protsessov v sovremennoi Rossii»* [Materials of the 111st Congress of ROPRAL “Dynamics of language and cultural processes in modern Russia]. (Sankt Petersburg, October 10–13, 2012). Vol. 1. St. Petersburg: MIRS, 2012. P.487–493. (Russian)
- Konkov, Tsvetova 2016 — Konkov V., Tsvetova N. “Actualization of Literary Works in Artistic Communication.” *The Social Sciences*. 11 (7), 2016: 1163–1167. (English)

For citation: Galimova E. Sh., Tsvetova N. S. Dynamics of Media Presentation of One Literary Phenomenon. *Vestnik SPbSU. Language and Literature*, 2017, vol. 14, issue 4, pp. 650–663. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2017.412>

Статья поступила в редакцию 5 июля 2016 г.
Статья рекомендована в печать 30 декабря 2016 г.